

— Я хочу умереть. — Вот что я думал, когда два года назад, бросив все, сел в самолет. Я хотел разом со всем покончить. Да, так лучше всего: простая авиакатастрофа, чтобы не было виновных, чтобы мне не было стыдно, чтобы никто не пытался докопаться до истинной причины... Я помню, самолет трясло в течение всего полета. Снаружи бушевала буря, и пассажиры сидели напряженные и перепуганные. И только я один улыбался. Когда тебе плохо и все вокруг видится в черном цвете, когда у тебя нет будущего и тебе нечего терять, когда каждый миг давит на тебя... Всем своим весом. Невыносимо. И дыхание твое прерывисто. И ты хочешь во что бы то ни стало избавиться от этой тяжести. Любым способом. Пусть самым простым, самым трусливым, лишь бы снова не откладывать на завтра эту мысль: ее нет. Ее больше нет. И тогда тебе тоже больше не хочется быть. Хочется исчезнуть. Пуфф! Без всяких проблем, никому не доставляя хлопот. Так, чтобы никто не спросил взволнованно: «А ты разве не знал? Да, именно он... Знаешь, что с ним случилось?». И этот тип будет рассказывать, как ты погиб, добавляя все новые и новые подробности. Он придумает что-нибудь не-

вероятное, как будто он знал тебя всю жизнь, как будто он один по-настоящему понимал твои проблемы. Как странно... Ты и сам-то не успел их понять. И ты ничего уже не сможешь сделать: эту историю будут передавать из уст в уста. Тоска зеленая. Память о тебе попадет в руки какого-нибудь засранца, а ты никак не сможешь этому помешать.

Ну так вот, в тот день у меня было неодолимое желание встретиться с кем-нибудь из этих клевых волшебников, которые на твоих глазах накрывают плащом голубя, и вдруг — пуфф! — его уже нет. Нет его, и все тут. И ты, довольный, уходишь с этого представления. Там еще, возможно, были балерины, как обычно, чуть толще, чем следовало, ты сидел в таком старинном кресле, довольно жестком, в зале, кое-как оборудованном в каком-то подвале. Да, там еще, возможно, пахло плесенью и сыростью. Одно точно: никто так и не узнает — куда делся тот голубь. Да нет, все не так. Мы не можем просто взять и исчезнуть. Прошло время. Два года. Теперь я прихлебываю пиво, вспоминаю, как я хотел стать таким вот голубем, улыбаюсь и мне немного стыдно.

— Хотите еще?

Стюард улыбается мне, придерживая тележку с напитками.

— Нет, спасибо.

Я смотрю в иллюминатор. Мимо проплывают окрашенные в розовый цвет облака: рыхлые, мягкие, конца им нет. Где-то вдали, за облаками, восходит солнце. Оно еще не совсем проснулось. Не могу поверить. Я возвращаюсь, сидя в кресле под номером 27. Это мое место в самолете: правый ряд сразу за крыльями, центральный проход.

Итак, я возвращаюсь. Красивая стюардесса, проходя мимо, тоже мне улыбается. Она слишком близко. Как у «Нирваны»: “If she comes down now, oh, she looks so good...” Легкий запах духов, униформа

сидит безупречно, довольно прозрачная блузка, сквозь которую виднеется кружевной бюстгальтер. Она ходит взад-вперед по самолету, улыбаясь, и нет у нее никаких проблем и переживаний. "If she comes down now..."

— Ева — прекрасное имя.

— Спасибо.

— Вы искушаете меня, как та, библейская Ева...

Некоторое время она пристально смотрит на меня. Я ее успокаиваю.

— Но не запретным плодом. Можете дать мне еще пива?

— Но это уже третье...

— Конечно, если так пойдет... Я пью, чтобы забыть вас.

Она улыбается. Кажется, я ее развеселил.

— А вы всегда считаете, кто сколько выпил, или это я вас так впечатлил?

— Это как вам больше нравится. Знаете, пиво попросили вы один.

Перед тем как уйти, она снова улыбается. И удаляется слегка танцующей походкой. Я выглядываю в проход. Идеальные ноги, темные эластичные утягивающие колготки, строгие туфли, как у них положено. Светлые, слегка мелированные волосы сплетены в косички и собраны в хвост, падающий на спину. Она останавливается. Я вижу, как она разговаривает с господином, сидящим впереди, в том же ряду, что и я. Она выслушивает его просьбы, молча кивая. Потом, засмеявшись, успокаивает его. Прежде чем уйти, оборачивается. Смотрит на меня: зеленые глаза, слегка обведенные карандашом, на верхних веках темные тени. Во взгляде — интерес. Я раскрываю объятия. На этот раз улыбаюсь я. Господин еще что-то говорит. Она профессиональным тоном отвечает и удаляется.

— Очень симпатичная стюардесса.

Моя соседка сбивает меня с мысли. Она внимательно смотрит на меня и улыбается, хитро глядя из-за толстых стекол очков. Ей лет пятьдесят, выглядит для своих лет неплохо, только сережки у нее слишком громоздкие. Впрочем, и синих теней на веках тоже многовато.

— Да, она просто кнелька.

— Что?

— Кнелька. Так у нас в Риме называют таких, как она. На самом деле, у нас говорится похлеще, но сейчас не тот случай.

— Кнелька... — Она качает головой: — Никогда не слышала.

— Ну как же, кнелька... Иногда еще говорят: смачная кнелька. Симпатичное выражение, взятое из кулинарии. Вы же слышали об итальянских кнелях?

— Ну конечно. Не только слышала, но и ела их сто раз.

Она смеется от удовольствия.

— И они вам нравятся?

— До умопомрачения.

— Ну вот видите. Когда вы говорите про девушку, что она кнелька, это значит, что она вкусная, как те штуки, что вы ели.

— Да, но это смешно — представлять ее кнелей. Знаете, это как-то... как бы сказать... несуразно!

— Да нет же! Вы просто должны представить себе такие кнели, с горячим соусом, с начинкой, тающей во рту, они так прилипают к небу, что потом их надо отцеплять языком.

— Ну, в общем, я поняла. Вы большой любитель кнелей.

— Вообще-то, да.

— И часто вы их едите?

— В Риме — очень часто. В Нью-Йорке я никогда не ел итальянскую пищу, сам не знаю почему, из принципа может быть.

— Странно, а говорят, там полно превосходных итальянских ресторанов. Вот, смотрите, она идет назад, эта кнелка.

С довольным смехом дама показывает на возвращающуюся стюардессу. Та улыбается, в руке у нее бокал пива. Она настолько хороша собой, что кажется — сошла с рекламного буклета.

— А вы ей скажите, что она — кнелка: увидите, как ей будет приятно.

— Нет, вы просто смеетесь надо мной.

— Да нет же. Уверяю вас: это комплимент.

— Значит, ей так можно сказать?

— Конечно, скажите.

Стюардесса подходит, протягивает мне подносик, посередине которого стоит бокал на бумажном кружке.

— Вот ваше пиво. Больше не просите, скоро идем на снижение.

— Я и не собирался больше просить. Кажется, я начинаю вас забывать. Хотя это не так уж и просто.

— Правда?.. Ну спасибо.

Я пробую пиво.

— Отличное пиво, спасибо — то, что надо: холодное, как я люблю. Да еще поданное вами — совсем как пиво с рекламы.

— Простите за любопытство: а что вы забудете во мне в первую очередь?

— Может быть, то, как вы были одеты...

— Вам не нравится наша униформа?

— Нравится. Просто я буду представлять ее по-другому...

Она смотрит на меня в недоумении, но я не даю ей возможности ответить.

— Вы надолго в Рим?

— На несколько дней... Сентябрь в Риме — это супер. Я хочу походить по магазинам. Может быть, найду какую-то одежду, в которой меня не забудут.

— О, я уверен. Вы найдете себе прекрасную одежду, потому что Вы... как это сказать... как это говорится?

Я поворачиваюсь к даме, сидящей рядом со мной.

— Помогите же мне.

Дама, кажется, немного робеет, но выпаливает:

— Вы... кнеллька!

Стюардесса смотрит на нее в замешательстве, переводит взгляд на меня. Брови ее ползут вверх, и вдруг она начинает хохотать. Уже неплохо. Дело пошло. Я тоже смеюсь.

— Отлично сказано, именно это я и имел в виду!

Стюардесса по имени Ева, качая головой, удаляется по проходу.

— Просим вас пристегнуть ремни.

Ее хвост, затянутый на затылке, покачивается так же обворожительно, как и все остальное... Прямо как крылышки бабочки. Бабочки, которую хочется поймать. Была такая песня, от которой я сходил с ума в Штатах, такая английская песня, популярная пару лет назад...

"I'm gonna keep catching that butterfly..." Это "The Verve". Пытаюсь вспомнить, как там дальше. Забыл. Чей-то голос выводит меня из задумчивости. Дама возится в своем кресле.

— Уф, вечно не могу найти ремень в этих самолетах.

Я помогаю соседке, которая навалилась на меня всем телом.

— Вот он, синьора, он тут, внизу.

— Спасибо. Никогда не могла понять, зачем он нужен. Ведь он не пристегивает нас крепко-накрепко.

— Да уж, это точно.

— В общем, если нас дернет, это не совсем так, как в машине.

— Нет, совсем не так, как в машине, нет... Вы боитесь?

— До смерти.

Она смотрит на меня и, кажется, раскаивается, что сказала именно эти слова.

— Ну, синьора, от судьбы не уйдешь.

— Что вы имеете в виду?

— То, что сказал.

— А что вы сказали?

— Вы прекрасно поняли.

— Да, но я надеялась, что не так поняла. Я до ужаса боюсь самолетов.

— По вам не похоже.

Она очень нервничает, пытается улыбнуться пересохшими губами. Я отхлебываю пиво, и мне хочется повеселиться.

— А вы знаете, что авиакатастрофы обычно случаются или при взлете, или...

— Или когда?

— Или при посадке. То есть скоро.

— Что вы такое говорите?

— Правду, синьора. Нужно всегда говорить правду. Делаю еще глоток пива и краем глаза вижу, что она смотрит на меня в упор.

— Прошу вас, скажите же что-нибудь.

— И что вы хотите, чтобы я вам сказал, синьора?

— Отвлеките меня, чтобы я не думала о том, что могло бы...

Она сильно сжимает мне руку.

— Мне больно.

— Простите.

Слегка разжимает руку, но не убирает ее. Я начинаю что-то рассказывать: истории из моей жизни, не связанные между собой, — все, что приходит на ум.

— Так вы хотели узнать, почему я уехал?

Дама кивает. Она слова не может вымолвить.

— Ну, знаете, это длинная история...

Она кивает еще решительнее, ей хочется слушать, все равно что, лишь бы немного отвлечься. Мне

кажется, я разговариваю с другом, со своим другом...

— Ну так вот, его звали Полло. Странное имя, не правда ли?

Дама не уверена, нужно ли ей согласиться, чтобы я продолжал, или нет.

— Ну так вот. Этого друга я потерял два года назад. Он был все время со своей девушкой, Паллиной. Она очень умная, с живыми, всегда веселыми глазами. Ужасно умная, за словом в карман не полезет, язва такая.

Соседка слушает молча, в глазах — любопытство, почти восхищение от моих слов. Как странно... Иногда с незнакомыми людьми проще, можно легко рассказать им о себе все, как есть. Может быть, потому, что тебе неинтересно, что они о тебе подумают?

— А я был с Баби, лучшей подругой Паллины.

Баби... И я ей рассказываю все: как я с ней познакомился, как начал смеяться, как влюбился, как скучал по ней... Красоту любви можно увидеть, только потеряв ее. Может быть, так получается, когда начинаешь анализировать. Я часто задавался таким вопросом. Но в этих делах разве можно до конца оставаться искренним? Надо будет спросить об этом кого-нибудь, кто через это прошел. Когда я говорю, я думаю. То и дело останавливаюсь. Дама чрезвычайно заинтересована: мой рассказ полностью поглотил ее внимание, она уже успокоилась и даже отпустила мою руку. Забыла о катастрофе, которая ее так пугала. Теперь, как ей кажется, она вникает в мою.

— А с этой Баби вы потом когда-нибудь еще разговаривали?

— Нет. Изредка я разговаривал с братом, реже — с отцом. Но не часто: звонки из Нью-Йорка стоят кучу денег.

— Вы чувствовали себя одиноким?